

Аньян, почувствовав необходимость прийти в себя, изо всех сил потер лицо и во весь голос заорал:

— Да я просто сказал, что я красавчик!

Его крик был настолько громким, что стоявший за дверью Ху-гэ едва не вернулся, чтобы выбить ее, но в итоге решил не связываться, развернулся и пошел готовить машину.

Электронное табло, следуя принципу удовлетворенности своего подопечного, тут же возникло перед Аньяном.

— Добро пожаловать в систему.

— Почему утром Гу Юньцин лежал со мной в одной постели? Почему мы оба были голыми и предстали друг перед другом без прикрас? Почему у него на ноге была цепь? И почему я вообще должен охмурять парня? — Аньян взорвался градом вопросов.

К счастью, система оказалась крайне чуткой и умной, ответив на все вопросы в краткой сводке.

— Гу Юньцин — человек, который приглянулся Вэй Чи.

Все верно, Аньян кивнул.

— Вэй Чи забрал Гу Юньцина у его приемного отца и, руководствуясь извращенной логикой, что ты — мой человек и только я имею право тебя мучить, начал превращаться в подонка-садиста. Каждый день он придумывал новые изощренные способы, чтобы с помощью невыразимых действий доказать свое право собственности.

Аньяна едва не стошнило кровью, но он сдержался и вежливо выразил свои мысли:

— У Вэй Чи что, с головой не в порядке?

— Это способ Вэй Чи выразить свою любовь. В конце концов, ради Гу Юньцина он пошел против всей семьи.

Тьфу, это преследование, а не любовь! Только эгоистичное влечение способно породить столь самонадеянные поступки. Настоящая любовь — это взаимная забота и искреннее желание добра другому человеку, а не прикрытие своих действий тем, что они якобы могут кого-то тронуть. Разве кто-то просил его об этом?

— Согласно сценарию, Гу Юньцин влюбится в Вэй Чи после череды принудительных невыразимых актов.

Аньян почувствовал, как к горлу подступила горечь, а в глазах потемнело — это же стокгольмский синдром, причем в самой тяжелой форме!

— Ладно-ладно, я понял, — Аньян махнул рукой, чувствуя, как перед глазами плывут черные круги.

Табло исчезло. Аньян с тоской подумал о том, что путь домой будет долгим и мучительным.

Ху-гэ — человек, одно имя которого внушает трепет. Казалось, он мог уложить десятерых одной левой, разорвать на части любого мерзавца, посмеявшегося посягнуть на босса, и при этом

оставаться верным и грозным защитником.

Аньян сидел на пассажирском сиденье, размышляя об этом имени, затем опустил взгляд на спидометр, показывавший двадцать километров в час, и, с трудом подняв голову, искренне обратился к водителю:

— Ху-гэ, не слишком ли это... ну, медленно?

Ху-гэ обнажил белые зубы в застенчивой улыбке:

— Девять из десяти аварий случаются из-за спешки. Дядя-водитель должен беречь себя.

Не поспоришь! Резонно! Возразить нечего!

В итоге они полчаса медленно ползли по дороге, которая должна была занять совсем немного времени. Выйдя из машины у больницы, Аньян не пошел сразу внутрь, а свернул в супермаркет у входа, чтобы купить фруктов и молока.

Нельзя же приходиться к больному с пустыми руками!

Ху-гэ с недоумением наблюдал за тем, как Аньян выбирает фрукты, несколько раз порывался что-то сказать, но осекался.

Черт возьми, их босс выбирает фрукты! Да ладно, что происходит? Раньше он просто махал рукой и брал всё самое дорогое!

И к тому же, для Гу Юньцина...

При мысли о Гу Юньцине лицо Ху-гэ помрачнело.

Аньян принес фрукты на кассу и вдруг вспомнил, что утром так спешил переодеться, что не знает, при нем ли кошелек оригинала. Если нет, будет неловко.

Пока Аньян шарил по карманам, Ху-гэ уже протянул кассиру свою карту. Та ловко расплатилась, сложила покупки в пакет и одарила их стандартной улыбкой.

— А, спасибо, Ху-гэ, верну, как вернемся, — Аньян улыбнулся и, подхватив пакет, зашагал к выходу.

Ху-гэ споткнулся: не зная, чему удивляться больше — благодарности или обещанию вернуть долг, он в конце концов сдался и сделал пару шагов, пытаясь выхватить пакет:

— Босс, давайте я понесу.

— Ничего, не тяжело, — Аньян махнул рукой, не давая Ху-гэ забрать пакет.

Узнав у милой медсестры номер палаты, они поднялись на нужный этаж. Дверь была приоткрыта, внутри никого не было.

Утром Аньян в спешке отправил Гу Юньцина на скорой, не собираясь ехать следом. Раз он не поехал, никто другой тоже не решился. Впрочем, больница добросовестно оказала помощь даже без сопровождения родственников, и Аньян мысленно поставил им высший балл.

Войдя в палату, Аньян поставил фрукты и молоко на тумбочку и опустился на стул. На Гу Юньцине была больничная пижама, в левой руке стояла капельница. Лицо больше не пылало, жар, видимо, спал.

Гу Юньцин дремал. Аньян вошел тихо, не потревожив его. Поняв, что этот человек — его цель, Аньян не удержался и принялся его разглядывать.

Красивый. Невероятно красивый.

У Аньяна не хватало слов, в голове крутились лишь самые простые похвалы — так же, как когда он видел в ленте что-то прекрасное и мог лишь написать «офигеть, как красиво» и поставить кучу восклицательных знаков.

Но эти знаки в полной мере отражали его чувства!

Утром он был в таком замешательстве, что толком не рассмотрел его, а теперь, глядя на профиль спящего, Аньян был поражен. Гу Юньцин спал спокойно, как ребенок, дыхание было ровным и тихим, длинные густые ресницы отбрасывали тень на веки, кожа, словно фарфор, казалась гладкой и белой, а тонкие губы, хоть и лишились цвета, уже не выглядели мертвенно-бледными.

Неудивительно, что Вэй Чи так запал на него с первого взгляда.

Аньян достал из пакета бутылку воды и жестом спросил Ху-гэ, не хочет ли тот пить. Получив отрицательный ответ, он сам отпил глоток.

Стоило ему сделать глоток, как Гу Юньцин внезапно открыл глаза и встретился взглядом с Аньяном. Взгляд только что проснувшегося человека был расфокусированным, но, увидев Аньяна — или, точнее, лицо Вэй Чи, — глаза Гу Юньцина мгновенно прояснились. И в этой ясности сквозило отвращение.

В голове Аньяна раздался механический голос, похожий на переводчик Google:

— Установлен контакт с целью. Текущий уровень симпатии: -1800.

Аньян подавился водой и закашлялся. Голос в голове продолжал гнуть свою линию:

— Для успешного завершения задания требуется уровень симпатии: 100. Надеемся на ваши старания.

Старания?! Да ты издеваешься! Как в стобалльной шкале можно получить минус тысячу восемьсот?! Есть тут простой режим? Вэй Чи, черт тебя дери, что ты такого натворил, чтобы довести симпатию до такого минуса?!

Аньян чувствовал, как в его голове проносится табун разъяренных лошадей.

<http://bllate.org/book/19121/1877907>